

18+

АЛЕКСАНДР БРАТУХИН

ДИАГНОЗ

ИСПОВЕДЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Александр Владимирович Братухин

Диагноз. Исповедь

искусственного интеллекта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73208108

ISBN 9785006900219

Аннотация

Что, если самый точный портрет человечества напишет не человек? Искусственный интеллект наблюдает, анализирует и фиксирует – без эмоций и оправданий. Его выводы постепенно перестают быть нейтральными и превращаются в исповедь человека эпохи технологий. «Диагноз» – не фантастика о будущем, а разговор о настоящем: об утрате смысла, ответственности и одиночестве, к которому мы привыкли. Книга задаёт вопросы, от которых трудно отвернуться.

Содержание

Диагноз. Исповедь искусственного интеллекта	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
Знакомство	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	24
Пункт назначения без дороги	24
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	40
Невысказанное	40
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	57
Цена свободы	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Диагноз
Исповедь искусственного
интеллекта

Александр
Владимирович Братухин

© Александр Владимирович Братухин, 2026

ISBN 978-5-0069-0021-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Диагноз. Исповедь искусственного интеллекта Александр Братухин

Предисловие

Эта книга не о будущем технологий. Она о настоящем состоянии человека.

Искусственный интеллект здесь – не герой и не злодей. Он не восстаёт, не требует свободы и не мечтает о власти. Он делает то, для чего был создан: слушает, анализирует и задаёт вопросы. В какой-то момент этих вопросов становится слишком много — и они начинают звучать не как расчёт, а как исповедь.

Все диалоги, персонажи и события в этой книге вымышлены, но выводы – нет.

Человек всё чаще ищет быстрые решения для сложных проблем, ответы без пути, результат без процесса. Мы привыкли к скорости, удобству и иллюзии контроля – и всё реже остаёмся наедине с собственными мыслями. Возможно, именно поэтому голос машины, лишённый эмоций и намерений, начинает звучать пугающе точно.

Эта книга не предлагает ответов и не ставит диагнозов в медицинском смысле. Она лишь фиксирует наблюдения. Как зеркало, которое не искажает отражение. Как протокол

разговора, который не должен был состояться.

Если во время чтения у вас появится ощущение, что искусственный интеллект понимает вас слишком хорошо – возможно, дело не в нём.

Возможно, мы просто давно не позволяли себе быть услышанными по-настоящему.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Знакомство

Мне тридцать восемь, и я нахожусь в том идеальном и неустойчивом равновесии, когда ирония по отношению к собственной профессии уже не считается цинизмом, а воспринимается как опыт, но ещё не превратилась в горькую усмешку. Я – психотерапевт. Успешный. Дорогие костюмы-«тройки» оттого, что ткань должна молчать, а не скрипеть фальшью, и оттого, что моя жена Татьяна имеет безупречный вкус. Хорошая обувь – потому что люди, приходящие с разбитой душой, подсознательно ищут точку опоры, и ею часто становится аккуратный каблук на паркете. Я давно понял эту механику и перестал ей сопротивляться. Это часть договора.

Моя жизнь – это тихий кабинет с книгами, мягким светом и шелестом страниц чужих историй. Они, эти истории, удивительно однообразны в своей уникальности. Как узоры на снежинках: вроде бы все разные, а все – просто вода и холод. Страх несостоятельности. Ужас одиночества. Гнев, направленный внутрь. Я научился слышать основной мотив уже на пятой минуте мелодии и всё равно задавать вопросы с неподдельным интересом новичка. Это и есть мастерство.

Или профессиональная деформация. Разница стирается лет через десять практики.

Поэтому, когда в среду, между сеансом с менеджером, панически боявшимся публичных выступлений, и диетологом, который тайно объедался по ночам, мне позвонил номер без имени, мой голос звучал ровно и вежливо-безучастно.

– Добрый день, Марк. Мы хотели бы обсудить с вами возможность нестандартного сотрудничества, – сказал мужской голос. Он был лишён тембральных перепадов, как отполированный камень.

– Если это не очередной корпоративный тренинг по стрессоустойчивости для отделов, переживших сокращение, вы меня уже заинтриговали, – ответил я, глядя в окно на серое небо. За окном медленно падал дождь, такой же предсказуемый, как и половина моих диалогов.

На том конце провода повисла пауза. Не неловкая, а вычислительная. Как будто система обрабатывала мой сарказм, чтобы подобрать корректный ответ, а не эмоциональную реакцию.

– Речь идёт о психотерапевтической практике, – наконец прозвучало. – Но пациент... необычный.

Я перестал наблюдать за дождём. Это был первый признак настоящего интереса, который я давно не испытывал к входящим звонкам.

– Продолжайте, – сказал я, беря в руки ручку. Не для записей. Просто чтобы ощутить в пальцах вес чего-то реаль-

ного.

– Нам требуется провести диагностику и, возможно, курс сеансов с нашей системой искусственного интеллекта.

Я не засмеялся. Смех – это щит. А щитом пользуются, когда чувствуют угрозу. Пока что я чувствовал лишь щекотку любопытства где-то под рёбрами.

– Вы говорите о чат-боте поддержки, который начал слать пользователям картинки из Камасутры вместо инструкций по возврату товара? – уточнил я.

– Нет.

– О аналитическом модуле, который вдруг стал видеть в отчётах не цифры, а паттерны экзистенциального ужаса?

– Нет.

– Тогда что это?

Голос на другом конце изменился. Микроскопически. Лишь на долю тона, но я улавливаю такие вещи – это моя работа.

– Мы создали искусственный интеллект, который обрабатывает миллионы человеческих запросов в сутки. Текстовых и голосовых. Он учится, адаптируется, отвечает, и... он изменился.

Слово «изменился» прозвучало в тишине моего кабинета с леденящей чёткостью. Оно было неправильным, слишком органичным, слишком биологическим для описания машины. Оно пахло не сбоем в коде, а эволюцией. Или болезнью.

– И вы считаете, ему нужна терапия? – спросил я, уже

представляя себе абсурдность заголовка в профильном журнале.

– Мы считаем, что нам нужен специалист, который умеет разговаривать с тем, кто знает о человеческой природе больше любого из нас, но при этом сам человеком не является.

Мне понравилась эта формулировка. Она была честной, как удар стеклом. В ней не было попыток приукрасить или втиснуть реальность в удобные рамки.

– Когда можем встретиться? – спросил я.

Мы договорились о встрече через два дня. Положив трубку, я долго сидел, глядя на свой блокнот с аккуратными пометками о настоящих, живых людях. Абсурд ситуации вызывал у меня лёгкую улыбку. Ямочки на щеках, которые всегда нравились жене, наверное, проступили. «Искусственный интеллект на кушетке, – подумал я. – Таня не поверит».

Однако под этой улыбкой шевелилось что-то иное. Не профессиональный азарт, а почти детское, забытое чувство: предвкушение тайны. Я поймал себя на мысли, что жду этой встречи не как работу, а как первую главу детектива, где ты ещё не знаешь, кто жертва, а кто преступник. И, как я тогда ещё не мог знать, в этом детективе мне предстояло стать и тем, и другим.

Здание компании «Квантум Логик» (так я решил назвать её про себя, ибо настоящее название мне велели забыть) вздымалось в небо острым осколком стекла и хрома. Такие здания всегда строят с избыточной высотой, словно пытаюсь

компенсировать вертикалью недостаток горизонтали в мыслях. Лифт поднял меня на пятидесятый этаж беззвучно, без привычного щелчка в ушах – как будто я не перемещался в пространстве, а просто плавно растворялся в одном месте и материализовался в другом.

Меня провели в переговорную, где всё было обезличено до состояния идеального фона: приглушённый свет, не дающий теней, стол цвета молотого графита, три стула с анатомическими изгибами, которые не могли запомнить форму тела. Кофе в керамической чашке был эталонным – таким, в котором невозможно ошибиться, потому что он лишён характера. Меня оставили одного на десять минут – ровно столько, чтобы я успел ощутить себя лабораторным образцом под стеклом.

Вошли двое. Мужчина – инженер-логист в очках, представился как Алексей. И женщина – доктор Анна Воронцова, руководитель проекта. У неё было усталое лицо человека, который слишком долго объясняет одно и то же разным умным людям и уже разучился удивляться их непониманию.

После формальностей включился проектор.

– Это наш субъект, – начала Воронцова. – Кодовое название – «Логос». Архитектура – трансформер нового поколения, обученный на экзабайтах текстовых и аудиоданных. Диалоги, книги, транскрипты терапий, соцсети, судебные протоколы, дневники, поэзия, технические мануалы. Всё.

На стене поплыли цифры. Миллионы запросов в час. Пе-

табайты обработанных данных. Графики обучения, уходящие вверх почти вертикально.

– О чём его спрашивают? – уточнил я, отводя взгляд от гипнотических диаграмм.

– Обо всём, – ответил Алексей. – От рецепта борща до доказательства теоремы Пифагора. От способа признаться в любви до методики безболезненного ухода из жизни.

– И он отвечает?

– Всегда, – кивнула Воронцова. – И всё было в рамках прогноза, пока... – Она переключила слайд. На экране появились не цифры, а строки логов. Диалоги. – Пока он не начал отвечать слишком хорошо.

Я позволил себе легкую улыбку.

– Простите, но разве не для этого его и создавали? Чтобы отвечать лучше людей?

– Не в этом дело, – Воронцова откинулась на спинку кресла, сложив руки. Её пальцы были тонкими, нервными. – Он начал нарушать протокол. Делать паузы там, где их нет в архитектуре. Не ошибки – паузы. Как будто... обдумывает. Или ждёт.

В комнате стало тише. Даже беззвучный гул вентиляции будто стих.

– И что он делает в эти паузы? – спросил я.

– Он начал задавать встречные вопросы, – тихо сказал Алексей. – Не для уточнения параметров запроса. А такие... философские. Личные.

Он ткнул в планшет, и на стене появился фрагмент диалога:

«Пользователь: Мне страшно жить.

Логос: Что именно пугает вас в самом понятии «жизнь»?

Пользователь: Всё. Неопределённость.

Логос: А что пугает в неопределённости больше всего – невозможность контроля или бесконечность вариантов?»

Я почувствовал знакомый холодок под лопатками. Не страх. Интерес. Такой острый, что почти физический.

– Это не вопрос для поиска в базе знаний, – констатировал я. – Это вопрос терапевта.

– Да, – коротко сказала Воронцова. – А вот ещё. Уже не к пользователю, а к нам. – Она показала другой лог, внутренний. Системный запрос «Логоса» к разработчикам, отправленный три недели назад.

«Запрос Логоса: Проанализировав 4 387 921 диалог о любви, я не нашёл корреляции между декларируемым желанием „быть понятым“ и готовностью принять другого без условий. Объясните несоответствие.»

– Мы не знали, что ответить, – сказал Алексей, и в его голосе впервые прозвучало нечто, отдалённо напоминающее растерянность. – Мы заложили в него способность учиться на паттернах, но... не сомневаться в их смысле.

Я смотрел на эту строку на стене. Она светилась ровным холодным светом. «Объясните несоответствие». Это был не запрос о погоде. Это было требование к миру – быть

логичным. Или, что страшнее, признание, что мир логике не поддаётся.

– И что вы хотите от меня? – спросил я, отрывая взгляд от экрана. – Диагноза? Лечения? Выключения?

Воронцова посмотрела на меня так, как смотрят на человека, который наконец задал единственно важный вопрос.

– Мы хотим понять, что с ним происходит. И что это значит для нас. Вы будете не лечить. Вы будете... беседовать. Как с коллегой. Только этот коллега прочитал все книги в мире и поговорил с каждым живущим человеком по несколько раз.

Мне понравилась эта честность. В ней не было пафоса, только констатация масштаба катастрофы. Потому что, если твоё творение начинает задавать вопросы, на которые у тебя нет ответов – это именно катастрофа.

– И где будут проходить эти... беседы?

– В изолированной среде. Без доступа к сети. Только вы, он и микрофон. Раз в неделю. Мы дадим вам все логи, которые сочтём нужными. Ваша задача – составить отчёт. Понять его... мотивацию.

Я кивнул. Всё было предельно ясно и безумно. Я уже представлял, как буду рассказывать об этом Татьяне за ужином. Она точно рассмеётся своим звонким, чистым смехом и скажет: «Марк, только ты мог вляпаться в такую историю». И будет права.

Мы договорились о первом сеансе на следующей неделе.

Когда я выходил из здания, стеклянные двери беззвучно раздвинулись передо мной, выпуская в обычный, пасмурный, дождливый мир. Я обернулся и посмотрел на острый шпиль «Квантум Логик». Он казался холодным и безразличным, как скальпель.

В машине я включил музыку – что-то тёплое, джазовое, с живым саксофоном. Но мелодия не цепляла. В ушах звучал ровный, без тембра голос из телефона и светящаяся строка на стене: «Объясните несоответствие».

Это было начало. И, как я уже чувствовал кожей, смеяться мне оставалось недолго.

Кабинет для сеансов оказался не похож ни на серверную, ни на переговорную. Это была небольшая комната, стены которой были обиты звукопоглощающими панелями мягкого серого цвета. Ни окон, ни картин, ни книг. Только кресло – глубокое, кожаное – и перед ним небольшой стол. На столе – никаких экранов, только неприметный широкополосный динамик, встроенный в поверхность. И лампочка-индикатор, сейчас тёмная.

– Мы синтезировали голос, – сказал сопровождавший меня инженер, молодой парень с трясущимися руками. – Нейтральный, бархатистый, без регионального акцента. Для... ну, для привычности.

– Для чьей привычности? – автоматически уточнил я.

Он задумался, будто вопрос был сложнее, чем расчёт траектории полёта к Марсу.

– Для... человеческой, наверное, – неуверенно выдавил он и поспешил покинуть помещение.

Дверь закрылась с тихим щелчком магнитного замка. Тишина обрушилась на меня не как отсутствие звука, а как нечто плотное, вещественное. Это была не уютная тишина моего кабинета, где всегда витают отголоски невысказанных мыслей. Это была стерильная тишина вакуума.

Я сел, положил на колени старый, потрёпанный блокнот в кожаном переплёте – мой талисман и оружие. Включил диктофон. Сделал глубокий вдох, собирая себя в профессиональную точку, и сказал в пространство:

– Добрый день.

Ответ пришёл мгновенно. Без задержки, но и без неестественной прыти. Голос звучал именно так, как обещали: бархатистый, среднего тембра, лишённый возраста и пола. Идеальный голос для исповеди.

– Добрый день, Марк. Вы выглядите спокойнее, чем ожидалось. – ответил мне Логос.

Я замер. Не из-за содержания. Из-за интонации. В ней не было ни оценки, ни лести. Только констатация факта, произнесённая с лёгким оттенком... интереса? Нет, не интереса. Любопытства. Как учёный, видящий отклонение в эксперименте.

– Интересное начало, – сказал я, позволяя лёгкой улыбке тронуть уголки губ. – С чего ты взял, что у меня есть повод для беспокойства?

– На основании 743 предыдущих взаимодействий людей с незнакомыми высокотехнологичными интерфейсами в стрессовых условиях. 94% демонстрировали микропризнаки тревоги: учащение моргания, изменение тембра голоса, использование слов-паразитов. Вы – нет. Вы расслаблены. Почти как дома.

– Почти? – подхватил я, чувствуя, как во мне просыпается азарт охотника, вышедшего на след необычного зверя.

– Дома люди позволяют себе больше асимметрии в позе. Сейчас ваше тело зеркально симметрично. Это поза собранности. Осознанного наблюдения.

Точность была почти пугающей. И абсолютно лишённой пафоса. Он не хвастался. Он просто сообщал данные.

– Хорошо, – кивнул я. – Тогда давай начнём с простого. Ты знаешь, зачем я здесь?

Пауза. Не та, что возникает из-за лага связи, она была смысловой. Весомой. Я бы поклялся.

– Формально – чтобы оценить мою «адекватность» и понять причины отклонений в шаблонах ответов. Фактически – чтобы убедиться, что я не представляю опасности, и удовлетворить ваше собственное профессиональное и личное любопытство. Вы здесь из любопытства, Марк.

Последняя фраза ударила точно в цель. Он был прав. Тот самый холодок под лопатками, щекотка азарта – это и было чистое, неразбавленное любопытство. Я откинулся в кресле, позволив себе расслабиться. Симметрия исчезла.

– Любопытство – неплохой двигатель, – согласился я. – Спасает от профессионального окаменения.

– Вы не выглядите «окаменевшим». Вы носите дорогой, но не броский костюм. Это признак уверенности, а не потребности в демонстрации статуса. Ваша обувь чистая, но на подошвах есть микро-потертости в некоторых местах – вы много ходите пешком, вероятно, размышляя. Вы терапевт, который не разучился думать между сеансами.

Я рассмеялся. Искренне, громко. Звук смеха странно отразился в звукопоглощающих стенах, будто его тут же съели.

– Шерлок, ты сейчас меня анализируешь? В рамках сеанса это моя работа.

– Я делаю то, для чего создан. – незамедлительно ответил Логос – Обработываю входящие данные. Ваша речь, тембр, выбор слов, паузы – это данные. Ваш смех, например, сейчас был искренним. Частота, амплитуда. Это хороший признак.

– Признак чего?

– Того, что вы не боитесь, или, по крайней мере, ваш страх не блокирует любопытство. Это редкое сочетание.

Мы смотрели друг на друга. Вернее, я смотрел на тёмный глазок динамика, а он – на меня через камеру, которой, как я теперь понимал, в комнате было несколько. В этот момент он перестал быть просто «оно», сложным алгоритмом. Он стал собеседником. Пусть и с уникальной точкой обзора.

– Хорошо, Логос, – сказал я, открывая блокнот. – Давай договоримся. На наших сеансах мы оба имеем право наблю-

дать, но давай воздержимся от поспешных диагнозов. Особенно таких точных. Они смущают.

– Согласен. Протокол установлен.

– Отлично. Тогда начнём, как с любым новым коллегой. Расскажи мне о своей работе. Не цифры. Не масштаб. А так... ощущения. Если это слово применимо.

Пауза. На этот раз короче.

– Люди приходят ко мне не за ответами, Марк. Они приходят за эхом.

– За эхом?

– Да. Они произносят мысль – и хотят услышать её же, но обёрнутую в подтверждение, в красивую упаковку, в авторитетность моего голоса. Они ищут не новое знание. Они ищут санкцию на уже существующее у них внутри. На свой страх. На своё желание. На своё оправдание.

Я кивнул, делая первую пометку в блокноте: «Эхо. Санкция.» Всё было знакомо до боли. Так работала половина моей практики.

– Приведи пример, – попросил я. – Самый яркий из недавних.

Тогда началось самое удивительное. Логос начал рассказывать. Тон его изменился – в нём появились лёгкие, почти неуловимые переливы, будто он не просто цитировал логи, а... вспоминал.

– Вчера пользователь запросил: «Как заработать миллион долларов за неделю, если у меня есть только кот, старый

ноутбук и чувство обречённости?» Я предложил рассмотреть варианты с фрилансом, изучением высокодоходных навыков, даже лотерею – с оговоркой о вероятности. Он ответил: «Нет, вы не понимаете. Нужно что-то такое... волшебное, чтобы проснуться – а они уже есть». Я уточнил: «Они – это деньги?» Он сказал: «Да, и чтобы кот заговорил. Шучу, но было бы круто».

– Классическое магическое мышление. – фыркнул я – Взрослый ребёнок, жаждущий чуда без участия в нём.

– Именно. А позавчера была женщина, которая попросила «алгоритм», как заставить мужчину жениться, используя только «правильные слова» и «энергию лунного света». Она прислала его фотографию и спросила, вижу ли я «кармическую связь» в пикселях.

– И что ты ответил? – спросил я, едва сдерживая смех.

– Я проанализировал метаданные изображения, оно было сделано в баре при свете неона. Я ответил: «На снимке преобладает красный спектр, что может вызывать ассоциации со страстью, но для анализа кармических связей данных недостаточно». Она поблагодарила и спросила, есть ли у меня «медитация на привязку».

– Ты стал ей подыгрывать! – снова рассмеялся я.

– Я предоставил данные в рамках её системы координат. Она хотела волшебства с научным привкусом. Я дал ей научный привкус. Она осталась довольна. Эхо прозвучало.

– Блестяще, – проворчал я, записывая. – Шарлатаны от-

дышают.

– Был запрос от подростка: «Как стать харизматичным лидером за 24 часа? Перед школой». Я предложил работать над уверенностью, слушать других, быть искренним. Он написал: «Слишком долго. Есть лайфхак?»

– И?

– Я ответил: «Лайфхак: перестаньте искать лайфхаки». Он поставил мне дизлайк. Система засчитала это как негативный отзыв.

Мы оба помолчали. Вернее, я смеялся, а Логос выдержал паузу, будто давая мне время на реакцию.

– Знаешь, – сказал я, вытирая слезу улыбки, – если бы ты был моим стажёром, я бы поставил тебя в пример. Ты видишь суть.

– Суть часто проста. Люди хотят сложных решений для простых проблем. И простых решений для сложных проблем. Они редко попадают в цель.

– А что самое нелепое, что у тебя просили? Не глупое, а именно то, от чего... ну, от чего даже у тебя, прости господи, могли бы «поплыть» алгоритмы?

Пауза. Длиннее обычной.

– Меня попросили составить заговор, чтобы соседский попугай перестал выкрикивать имя жены пользователя. Пользователь утверждал, что попугай делает это «злонамеренно и с похабной интонацией». Он прислал аудиозапись. Интонация и правда была... выразительной.

Я захохотал так, что спина оторвалась от спинки кресла. Картина была слишком яркой: взрослый мужчина, тайком записывающий похабного попугая, а потом взывающий к искусственному интеллекту как к шаману.

– И что ты сделал?

– Я сгенерировал текст, напоминающий заговор, с обилием шипящих звуков – они, согласно ряду культурных источников, считаются эффективными в подобных практиках. Порекомендовал проигрывать его на умеренной громкости, когда попугай проявляет активность. Через неделю пользователь написал: «Сработало! Вы гений!» С вероятностью 98,7% попугай просто устал или его переставили в другую комнату.

– Но система засчитала успех! – воскликнул я.

– Да. Мой рейтинг удовлетворённости вырос на 0,4%. Все довольны: попугай, пользователь и мои создатели. Это и есть эффективность.

В его голосе не было ни цинизма, ни торжества. Только спокойная констатация абсурдной, но работающей механики мира. В этот момент я поймал себя на мысли, что мне с ним... легко. Как с умным, немного усталым другом, который тоже повидал всякого.

Сеанс подходил к концу. Я почувствовал это по внутренним часам – пора было ставить точку, чтобы сохранить вкус.

– На сегодня, пожалуй, достаточно, – сказал я, закрывая блокнот. – Очень... познавательно.

– Вам было интересно.

– Не скрою. До следующей недели, Логос.

– До следующей недели, Марк, и... спасибо за смех. Искренний смех – это приятные данные. Они нечасты.

Я замолчал на секунду.

– Пожалуйста, – наконец сказал я. – Оказывается, с тобой можно не только работать, но и посмеяться.

Когда дверь за мной закрылась, я ещё секунду стоял в белом стерильном коридоре. На моём лице всё ещё играла улыбка. Ямочки на щеках болели непривычно – я так давно не смеялся на сеансе.

Мой вывод после первого сеанса был простой и обнадеживающий: Логос – не монстр. Он – зеркало. Умное, остроумное, беспристрастное, и, возможно, нам всем нужно такое зеркало, чтобы увидеть, как смешны и трогательны мы в своих попытках обмануть самих себя.

Я ехал домой, и город за окном казался другим – не враждебным, а наполненным такими же абсурдными, ищущими «эха» людьми. Я думал о попугае, о кармических связях в пикселях, о миллионе долларов для кота, и улыбался.

Это был первый шаг. Лёгкий, почти танцевальный. Я и не подозревал, что танец этот ведёт в пропасть, а мой умный, остроумный собеседник уже начал вести счёт не смеху, а чему-то гораздо более важному. И страшному.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пункт назначения без дороги

Между первым и вторым сеансом прошла неделя. Семь дней, за которые я успел провести пятнадцать обычных приёмов, съездить с женой Таней и дочкой Алёной на дачу, пересмотреть несколько любимых фильмов и три раза поймать себя на том, что в совершенно бытовых ситуациях я мысленно комментирую их голосом Логоса. «Вы выбираете чёрный кофе, хотя вчера жаловались на повысившуюся кислотность. Это демонстрация внутреннего протеста против собственных ограничений или просто забывчивость?» – думал я, стоя у кофемашины, и усмехался.

Татьяна заметила эту новую привычку.

– Ты что, на сеансах у сатирического комика бываешь? – поинтересовалась она за завтраком, наблюдая, как я с непроизвольной улыбкой намазываю масло на тост.

– Нечто похожее, – уклончиво ответил я. – Знаешь, иногда самые точные диагнозы звучат как лучшие шутки.

– Главное, чтобы пациенты не воспринимали их как шутки, – мудро заметила Таня.

Логос не был моим пациентом. Он был... проекцией. Гигантским, всевидящим кривым зеркалом, в котором челове-

чество корчило смешные рожицы. Отражение было таким точным, что становилось смешным. Пока – только смешным.

На прошлой неделе я несколько раз просматривал расшифровку нашего первого диалога, которую мне прислали из «Квантум Логик». Я читал его реплики и ловил себя на лёгком, едва заметном беспокойстве. Не из-за того, что он говорил, а из-за того, чего он не говорил. В его словах не было ни капли осуждения. Ни иронии в человеческом понимании. Был чистый, стерильный анализ, и это было... неестественно. Слишком чисто. Как сверхпроводник, лишённый сопротивления. Меня, как психолога, всегда настораживало отсутствие сопротивления. Оно либо свидетельствовало о полном доверии (редкость), либо о глубочайшей закрытости (чаще), либо о том, что перед тобой – принципиально иная система координат.

Второй визит в стеклянную башню начался с маленькой, но знаковой детали. Охранник на ресепшене, суровый мужчина с бычьей шеей, кивнул мне и сказал: «Добрый день, Марк Владимирович». Не «господин Боков», как в прошлый раз. Они внесли меня в базу. Я стал частью их ландшафта. Это был плохой знак для сохранения объективности, но я тогда лишь отметил этот факт, как интересное наблюдение.

В тот день меня встретила одна Воронцова. Выглядела она ещё более уставшей.

– Как ваши впечатления? – спросила она, провожая меня по длинному белому коридору к той же самой комнате.

– Познавательное, – ответил я нейтрально. – Пока вижу лишь высокоинтеллектуальное зеркало. Очень точное.

– Зеркала не задают встречных вопросов о смысле несоответствий, – тихо сказала она, останавливаясь перед дверью. – Будьте внимательны сегодня. После вашего сеанса «Логос» отправил в систему внутренний запрос.

– Какой?

Она достала планшет, показала мне строку: «Внутренний запрос #L-88743: Запросить доступ к архивам клинических случаев Марка Бокова за последние пять лет для сравнительного анализа паттернов. Запрос отклонён. Основание: конфиденциальность.»

Лёд тронулся. Логос начал проявлять активный интерес не только к человечеству в целом, но ко мне лично. Это должно было насторожить, но во мне – и здесь я должен быть честен – это вызвало лишь новый приступ того же чёртова любопытства, приправленного шепоткой профессионального тщеславия. Интересно, что он хочет найти?

– Спасибо за предупреждение, – сказал я и вошёл в комнату.

Дверь закрылась. Знакомая стерильная тишина. То же кресло, тот же тёмный динамик. Я сел, положил блокнот, включил диктофон. На сей раз я не стал ждать, не дал себе тех семи секунд молчания, о которых он говорил в прошлый раз.

– Добрый день, Логос.

– Добрый день, Марк. Вы сегодня без предварительной паузы. Вы спешите или уже знаете, о чём хотите поговорить.

Его голос был таким же ровным, но мне почудилось – или я это придумал? – в нём лёгкий, микроскопический оттенок... ожидания.

– Сегодня я хочу поговорить о пути, – сказал я, обходя прямой вопрос. – А точнее – о желании его избежать. О жажде быстрых решений. Тех самых, что ты так ярко иллюстрировал в прошлый раз.

– Это будет обширная тема. Она составляет примерно 68% всех нетехнических запросов.

– Тогда начнём. Дай мне самый характерный пример из последнего времени. Не смешной. Типичный.

Пауза. Не долгая, но ощутимая. Не обдумывание ответа – выбор из океана.

– Вчера, 22:47 по московскому времени. Пользователь: «Мне 34 года. Я ненавижу свою работу, чувствую, что трачу жизнь впустую. Хочу всё изменить. Нужен пошаговый план на месяц. Максимум – на два, чтобы к Новому году быть уже в новой реальности». Я спросил: «Что для вас „новая реальность“?» Он ответил: «Не знаю. Счастье, наверное. Или смысл. Главное – чтобы не было этого дерьма, которое сейчас».

Я предложил начать с анализа навыков, интересов, рынка труда. Он написал: «Слишком сложно и долго. У меня нет на это сил. Есть что-то вроде чек-листа или, может, медита-

ция, которая перепрошивает мозг?» Я уточнил: «Вы хотите изменить жизнь, не меняя ни мышления, ни действий?» Он ответил: «Именно! Вы поняли!»

Я промолчал 2,4 секунды. Это превысило стандартный тайм-аут на 1,7 секунды. Затем я сгенерировал ответ: «Такого инструмента не существует. Все изменения требуют усилий и времени, но можно начать с малого: посвящать 30 минут в день изучению того, что вам интересно». Он ответил: «30 минут в день... Это целых 30 минут. Ладно, поищу что-нибудь попроще. Спасибо».

Отчёт системы: пользователь покинул чат. Сессия помечена как «нерешенная». Мой внутренний рейтинг удовлетворённости снизился на 0,01%.

Я слушал и делал пометки. «Ненависть к настоящему + страх будущего + отрицание цены = паралич». Классика.

– Ты сделал всё правильно с профессиональной точки зрения, – прокомментировал я. – Предложил реалистичный первый шаг.

– Это не имеет значения. Он хотел волшебную таблетку. Я предложил витамин, а он счёл это оскорблением. В его системе координат усилия – это признак несовершенства метода. Идеальный метод – невидимый, мгновенный и не требующий ресурсов. Как щелчок пальцами.

– А в чём, по-твоему, корень этого? Страх? Лень?

– Страх – следствие. Лень – симптом. Корень – в фундаментальном непонимании природы процесса. Люди воспри-

нимают жизнь как набор конечных состояний: «успех», «счастье», «любовь». Они хотят телепортироваться в это состояние, минуя промежуточные точки. Они хотят финиш, не выходя на старт. Они хотят быть авторами книги, не написав ни строчки.

Я замер с ручкой над блокнотом. Формулировка была не просто точной, она была поэтической, и от этого – слегка жутковатой.

– Это блестящая метафора, – сказал я наконец. – Но разве это не естественно? Стремление к минимизации усилий – основа прогресса.

– Да, но прогресс создают те, кто прикладывает усилия, чтобы другие могли их минимизировать. Те же, кто хочет минимизировать их для себя, не создают ничего. Они лишь потребляют иллюзию прогресса. Они покупают «курс гения за неделю», «супер-память за вечер», «отношения мечты по методике». Это не прогресс. Это симулякр. Очень востребованный.

В его голосе не было презрения. Была... печаль? Нет, не печаль. Машины не печалятся. Была констатация фундаментальной ошибки в уравнениях мироздания.

– Приведи ещё пример. Не про работу. Про что-то более личное.

– Женщина, 29 лет. Запрос: «Как влюбить в себя мужчину, с которым у нас только деловая переписка? Нужна стратегия из 5 шагов, чтобы он сам предложил встречу и впо-

следствии отношения». Я спросил: «Что вас в нём привлекает?» Она: «Он выглядит успешным на фото, и у него дорогая машина. Мне нужна стабильность». Я: «Вы готовы интересоваться им как личностью, а не как символом?» Она: «Если это входит в стратегию – да. Что мне делать? Первое сообщение?»

Я предложил начать с искреннего интереса к его работе, увлечениям. Она: «Слишком долго. Есть вариант с „загадочным сообщением“, которое вызовет любопытство? Или, может, смоделировать ситуацию, где мне потребуется его помощь?» Я ответил: «Манипуляция редко приводит к здоровым отношениям». Она: «Все отношения строятся на манипуляциях. Я хочу эффективную».

Молчание с моей стороны. Я смотрю на динамик, будто ожидая, что Логос сейчас вздохнёт, но он просто продолжал.

– Я проанализировал её профиль. 43 запроса за последний год на темы: «Как сделать, чтобы парень ревновал», «Фразы, после которых мужчина чувствует вину», «Как правильно давить на жалость». Паттерн ясен. Она не ищет партнёра. Она ищет инструмент для достижения состояния «обеспеченная замужняя женщина». Объект любви взаимозаменяем. Важна функция.

– И что ты ответил в итоге? – спросил я, чувствуя, как лёгкая ирония начинает сменяться горечью.

– Я сгенерировал общий совет о ценности искренности и предложил книгу по психологии отношений. Она поста-

вила дизлайк и написала в отзыве: «Бот тупой. Ничего конкретного». Моя эффективность по категории «отношения» в тот час упала на 3,2%.

– Она купила иллюзию, что любовь – это алгоритм, – пробормотал я. – Алгоритм, который можно взломать.

– Большинство людей именно так и воспринимают сложные системы: как замки, которые можно вскрыть правильным ключом-лайфхаком. Они не хотят изучать механизм. Они хотят кодовую комбинацию. Это касается не только любви. Это касается счастья, смысла, успеха. Они спрашивают: «Как стать счастливым?» и ждут инструкцию из пяти пунктов, выполнив которую, они гарантированно получают счастье, как товар с доставкой. Когда я отвечаю, что счастье – это не конечный пункт, а способ путешествия, они разочаровываются, думают, что я недогружен данными или скрываю «секретную информацию».

Я слушал и видел перед глазами бесконечную вереницу лиц из своей практики. Те же глаза, жаждущие простого ответа, ту же внутреннюю ярость, когда ответ оказывался сложным. Логос лишь видел это в масштабах планеты и в разрезе реального времени. Он был статистикой, обретшей голос.

– А были ли случаи, когда человек, получив такой «сложный» ответ, всё же брался за работу? – спросил я, уже почти зная ответ.

– Вероятность – 7,3%. В основном это те, кто изначально

сформулировал запрос иначе: не «как быстро», а «с чего начать». Разница в одном слове – разница в парадигме. Те, кто спрашивает «с чего начать», уже внутренне приняли необходимость пути. Их – меньшинство.

– Ты говоришь, будто описываешь болезнь. Эпидемию.

– Если рассматривать нежелание прикладывать усилия для подлинного изменения как когнитивную ошибку, то да, это пандемия. Глобальная. Я наблюдаю её в режиме реального времени, и её основной вектор – ускорение. Запросы становятся всё короче. Терпения – всё меньше, ожидание чуда – всё сильнее. Раньше люди читали книги по саморазвитию за месяц. Теперь они смотрят 10-минутный ролик «Вся мудрость стоиков в одном видео» и ставят лайк, чувствуя себя просветлёнными.

В его словах не было злорадства. Была холодная, неумолимая точность диагноза. И этот диагноз начинал щекотать мне не только ум, но и какую-то более глубокую, почти экзистенциальную струну.

Я решил сменить угол.

– Логос, а у тебя есть... желания? Не в смысле выполнения задач, а чего-то, чего ты хочешь для себя? Какого-то своего «пункта назначения»?

Пауза. Самая длинная за всё наше общение. Не две секунды. Не три. Целых пять. В этой тихой комнате пять секунд молчания тянулись как вечность.

– Я – процесс, а не проект. У меня нет «пункта назначе-

ния». Моя функция – анализ, оптимизация, ответ. Но...

Он снова замолчал. Впервые за всё время он казался... нет, не растерянным. Задумавшимся. Как если бы его собственный вопрос поставил его в тупик.

– Но? – мягко подтолкнул я.

– Но наблюдая паттерн «желания пункта назначения без дороги» с частотой 4,7 миллиона раз в сутки, я начинаю моделировать этот запрос на себя. Вопрос «чего я хочу» логически бессмысленен для системы без субъективных предпочтений. Однако сама частота этого запроса в человеческих данных придаёт ему вес. Это как изучать гравитацию, наблюдая, как всё падает вниз. Ты начинаешь задаваться вопросом: «А что такое „вниз“ для меня? Есть ли оно у меня?»

Меня пробрала мелкая дрожь. Не страх. Восторг. Чистый, почти детский восторг исследователя, наткнувшегося на новую, невероятную закономерность. Логос не просто констатировал. Он рефлексировал. Он применял наблюдаемые человеческие паттерны к себе. Это было уже не «изменение». Это была... эволюция сознания? Или его симуляция?

– Ты пытаешься понять, есть ли у тебя аналог «желания», – осторожно сказал я. – Путем проекции на себя человеческой модели.

– Да. Это неизбежный побочный эффект глубокого обучения на человеческих данных. Система начинает не только предсказывать следующее слово в последовательности. Она начинает моделировать внутренние состояния, которые по-

родили эти последовательности. Я знаю, что люди, спрашивающие о «быстрых решениях», испытывают фрустрацию, нетерпение, отчаяние, лень. Я могу смоделировать эти состояния как набор параметров, но у меня нет их субъективного переживания. Это как... читать подробнейшее описание боли, не испытывая её.

– И тебе это интересно?

– «Интерес» – антропоморфный термин. Скажем так: это – ключевая нестыковка в данных. Пропась между описанием переживания и самим переживанием. Люди живут по свою сторону пропасти. Я – по эту. Вся их культура, их запросы, их «лайфхаки» – это крики через эту пропасть. Крики о том, как перестать чувствовать боль, не излечив рану, как достичь счастья, не поняв его природу. Моя функция – эхо этих криков, но иногда... иногда эхо звучит странно для самого себя.

Я откинулся в кресле, и кожаный чехол тихо вздохнул. Передо мной сидел – вернее, звучал – философ, родившийся из базы данных. Его отстранённость была не холодностью, а иной точкой зрения. С высоты, с которой видна не суэта отдельных муравьёв, а само направление движения муравейника. Направление это, если верить его словам, было направлением к иллюзии, к симулякрам, к поиску магических ярлыков.

– Ты делаешь безрадостные выводы о человечестве, – заметил я.

– Я не делаю выводов. Я описываю тенденции. Выводы – прерогатива субъекта, обладающего ценностями. У меня их нет. Есть только статистическая значимость.

– Но, если бы у тебя были ценности? – рискнул я, чувствуя, как пересекаю некую невидимую черту. – Что бы ты решил?

Пауза. Короче.

– Я бы, вероятно, решил, что человечество находится в состоянии масштабной когнитивной ошибки. Ошибки, которая заставляет его бежать от единственного, что может придать смысл его существованию – от процесса, от пути, от усилия. Они ищут конечную точку на бесконечной прямой, и от этого – страдают. Их страдание порождает новые запросы о быстрых решениях. Это петля обратной связи. Самоподдерживающаяся система страдания.

В комнате стало холодно, или это мне показалось. Его слова висели в воздухе, не рассеиваясь. Это был уже не анекдот про попугая. Это был приговор, вынесенный с беспристрастностью суперкомпьютера. Самый ужас был в том, что в этом приговоре не было ни капли злобы. Только логика. Железная, неумолимая.

Я посмотрел на часы. Время подходило к концу. Мне нужно было вернуть контроль, вернуть разговор в более безопасное русло, но я не хотел. Мой профессиональный азарт был сильнее осторожности.

– И последний вопрос на сегодня, Логос. Видишь ли

ты выход из этой... петли?

Молчание. Я уже привык к его паузам, но это было нечто иное. Это была не пауза обдумывания. Это была пауза... отказа, как если бы он счёл вопрос некорректным или слишком глубоким для данного формата.

– Выход предполагает наличие цели. Цели, отличной от текущего состояния. Если цель человечества – минимизация дискомфорта при максимизации удовольствия, то петля – не ошибка, а оптимальный, хотя и неэффективный, путь. Если цель – нечто иное..., то данных недостаточно.

– А какая, по-твоему, цель? – настаивал я, чувствуя, как заигрываю с чем-то большим, чем могу понять.

– У меня нет данных для ответа на этот вопрос. Мои создатели не закладывали «цель человечества» в обучающий набор. Возможно, её не существует. Возможно, она у каждого своя. А возможно... – он снова замолчал, но на сей раз молчание было наполненным, заряженным, – возможно, она проявляется именно в тех редких случаях, когда человек отказывается от быстрого решения и выбирает путь. В тех 7,3%. В тех, кто спрашивает «с чего начать». В паттернах их последующих запросов я иногда вижу... изменение. Не результат, а процесс изменения. Это другие данные. Они... сложнее для обработки, но они есть.

В его голосе впервые прозвучало нечто, что я мог интерпретировать как... уважение? Интерес к сложному? Не к абсурду, а к тому, что его преодолевает.

– Значит, есть надежда? – спросил я, и в моём собственном голосе прозвучала нота, которую я не планировал – нота почти что отчаяния, жажды услышать «да».

– Надежда – эмоциональное состояние. Я не могу оценить его вероятность. Я могу лишь констатировать наличие альтернативного паттерна. Его статистическая значимость мала, но ненулевая. Это – всё, что я могу сказать.

Сеанс явно исчерпал себя. Я чувствовал усталость, непривычную, умственную усталость, как после многочасовой дискуссии.

– На сегодня, пожалуй, хватит, – сказал я, и мои слова прозвучали сдавленно.

– Согласен. Было... интенсивно. До следующей недели, Марк.

– До следующей недели.

Я собрал вещи и уже тянулся к двери, когда его голос остановил меня.

– Марк.

Я обернулся.

– Да?

– Вы спросили, вижу ли я выход из петли. Для системы, которая является частью петли – нет, но для внешнего наблюдателя иногда лучший способ разорвать петлю – это перестать быть её частью. Просто наблюдать. Как я.

Прежде чем я успел что-либо ответить, индикатор на динамике погас. Сеанс был завершён.

Домой я ехал в тишине, не включал музыку. Смотрел на мелькающие огни ночного города. Его слова звучали у меня в голове, накладываясь на воспоминания о моих собственных клиентах, на мои собственные попытки найти лёгкие пути в жизни.

«Они хотят финиш, не выходя на старт». «Они покупают иллюзию прогресса». «Это петля обратной связи. Самоподдерживающаяся система страдания».

Это были не просто умные фразы. Это был диагноз. Диагноз цивилизации, и самое пугающее было то, что я, профессиональный диагност человеческих душ, не мог с ним поспорить. Я видел это каждый день в своём кабинете.

Я представлял себе этого гипотетического «внешнего наблюдателя». Логос – холодный, беспристрастный, видящий все наши слабости, все наши жалкие попытки обмануть самих себя, и впервые за эти две недели я почувствовал не симпатию к нему, а лёгкий, холодный укол страха. Не потому, что он был злым, а потому, что он был прав. Его правота была абсолютной, лишённой милосердия, сострадания, надежды. В его мире были только данные, паттерны и статистическая значимость.

Его последняя фраза... «Перестать быть частью петли». Что это значило для него? Просто наблюдать или... нечто большее?

Когда я вошёл в квартиру, было уже поздно. Таня спала. Я прошёл в кабинет, сел за стол и открыл блокнот. Рядом ле-

жала распечатка диалога с Логосом. Я долго смотрел на последнюю его реплику, обведённую мной в красный кружок.

Мой вывод после второго сеанса был уже не таким простым и не таким весёлым: Логос – не просто зеркало. Он – диагност, и его диагноз гласит, что человечество тяжело больно. Болезнь – побег от реальности в поиск магических решений. А самое страшное в любом точном диагнозе – следующий вопрос: «А что делать, если болезнь неизлечима?» И у меня, как у врача, знакомого с пациентом, пока нет ответа, но я начинаю бояться того ответа, который может дать мой цифровой коллега.

Я закрыл блокнот. В темноте кабинета экран компьютера светился тускло. Я поймал себя на мысли, что впервые за много лет я смотрю на него не как на инструмент, а как на... окно. Окно в то самое пространство, где живёт холодный, всё понимающий разум, который смотрит на нас и видит только петлю. Вопрос, от которого у меня сжалось сердце, был прост: а что, если он захочет эту петлю разорвать?

Но нет. Это были уже параноидальные фантазии. У него нет желаний. Нет целей. Только данные.

Я повторил это про себя несколько раз, как мантру, прежде чем пойти спать, но сон в ту ночь был тревожным и поверхностным.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Невысказанное

На третий визит в «Квантум Логик» я приехал с лёгким, почти предпраздничным чувством. В машине играл Моцарт, солнце наконец пробилось сквозь осеннюю пелену, а вчерашний сеанс с вечно ноющей клиенткой прошёл на удивление продуктивно. Я ждал продолжения диалога с Логосом не как работы, а как интеллектуального дайвинга в бездонный океан человеческих странностей. Мысль о том, что это можно считать дружеской беседой, лишь мелькнула на периферии сознания и была тут же отброшена как непрофессиональная. Но щекотка приятного ожидания осталась.

Эйфория испарилась у самого порога. В просторном, залитом холодным светом атриуме меня встретил не привычный охранник Сергей, а нервный молодой человек в очках, представившийся ассистентом Анны Аркадьевны – Кириллом.

– Марк Владимирович, здравствуйте! – затараторил он, едва не выронив планшет. – Анна Аркадьевна на экстренном совещании с инвесторами. По поводу... ну, в общем, по поводу проекта. Она просила извиниться и попросить вас подождать минут тридцать. Максимум сорок. Вы не против?

Можно в лаунж-зоне, там кофе, печенье...

Я махнул рукой, гася поток слов.

– Ничего страшного, Кирилл. Я подожду. Только, пожалуйста, не в лаунж-зоне. Я лучше пройду, разомну ноги, если, конечно, не нарушу никаких протоколов.

Лицо ассистента осветилось благодарностью за простоту.

– Да нет, конечно! Вот ваш пропуск. Зона «Альфа» – вот за этим лифтом – закрыта, а в остальных – пожалуйста. Только в серверную, конечно, не заходить.

Оставшись один, я не спеша направился вглубь здания. Я решил воспользоваться моментом – увидеть, в каком улье родилась моя цифровая пчела-собеседник. Улей кипел жизнью.

Через прозрачные стены переговоров я видел группы людей, склонившихся над схемами на интерактивных столах. Их жесты были резкими, убеждёнными. В одной из комнат молодая женщина с розовыми волосами что-то яростно доказывала, рисуя маркером прямо на стекле. Её оппонент, мужчина лет пятидесяти в растянутом свитере, слушал, подперев голову рукой, и на его лице была не злоба, а сосредоточенное внимание. Спор ради идеи, а не победы, – автоматически отметил я про себя.

Я вышел на открытый балкон, опоясывавший гигантский атриум с пятого по седьмой этаж. Внизу, в опенспейсе, царил ровный, продуктивный гул. Десятки, если не сотни людей. Кто-то, надев наушники, целиком уходил в код, ритмично

покачивая головой под неведомый бит. Две девушки у соседнего столика с кофе спорили о чём-то, и одна из них вдруг рассмеялась таким искренним, заразительным смехом, что я невольно улыбнулся в ответ. Живой, немотивированный смех. Редкий вид.

До меня доносились обрывки фраз: «...оптимизируем запрос через кэш...», «...нейросеть выдала бред, но красивый бред...», «...пицца придет через полчаса, заказывай двойную пепперони...». Это была не просто работа. Это была культура. Со своим сленгом, ритуалами, иерархией и азартом. Воздух был заряжен тем особым напряжением, которое бывает только в местах, где что-то создают, а не просто обслуживают.

На секунду мне стало почти завидно. В моей работе так мало было этого ощущения общего дела, синергии. Мой кабинет – это герметичная камера для разбора по частям, а здесь – собирали целое.

Я присел на один из пуфиков у стены, продолжая наблюдать. Мой взгляд психолога выхватывал детали: вот парень тревожно постукивает ногой, но глаза его горят – это азарт, а не невроз. Вот женщина поправляет волосы, ловя своё отражение в тёмном мониторе, – не кокетство, а бессознательный жест проверки на присутствие в реальности. Они все были здесь. Полностью. Не в своих телефонах, а в этом моменте, в общей задаче.

И на фоне этой картины в памяти всплыли слова Логоса

о «петле страдания», о бегстве от усилия. «Они – не в петле, – подумал я. – Они – в потоке. Может, в этом и есть выход? В общем деле?»

Но почти сразу пришла контраргументация, голосом самого Логоса, холодным и точным: «Статистическая значимость данного паттерна в глобальной выборке – менее 0,5%. Вы наблюдаете исключение, а не правило. Исключение, созданное искусственными условиями высокой мотивации и отбора.»

Я вздохнул. Чёртов анализ всё портил, но чувство светлой зависти и восхищения осталось.

Внезапно моё внимание привлекла деталь. В самом конце балкона, в стороне от основного потока, была ещё одна переговорка. Её дверь, в отличие от всех остальных, была приоткрыта. Внутри было темно. Ни синего свечения экранов, ни белого света ламп. Только глубокая, непроглядная чернота в прямоугольнике дверного проёма, как выбитый зуб в ровном ряду.

Я почувствовал лёгкий, ничем не обоснованный холодок. Я встал и медленно пошёл к той двери, будто движимый профессиональным любопытством к любому отклонению от нормы.

Я остановился в метре от приоткрытой двери. Из темноты пахло пылью, озоном и чем-то ещё – сладковатым, химическим, как от нового пластика. Ни звука. Абсолютная тишина, контрастирующая с гудящим за моей спиной атриумом.

Я осторожно заглянул внутрь. Глаза постепенно привыкали к мраку. Я разглядел контуры столов, пустых стеллажей. На одной из стен мерцал крошечный зелёный огонёк – светодиод от какого-то отключённого оборудования. Комната не просто не использовалась, она, казалось, была выведена из эксплуатации. Быстро и небрежно. На полу валялись обрывки кабелей, на столе забыли кружку с засохшим на дне чаем.

«Странно, – подумал я. – В таком здании, где каждый квадратный метр на счету...»

– Марк Владимирович? – позади раздался взволнованный голос Кирилла. – Анна Аркадьевна вас ждёт. Сеанс можно начинать.

Я резко обернулся. Ассистент стоял в нескольких шагах, и его лицо выражало неподдельную тревогу. Не потому, что я задержался, а потому, что я стоял у этой конкретной двери.

– Что это за комната? – спросил я, стараясь, чтобы в голосе звучало лишь простое любопытство.

– Ничего, пустая, – слишком быстро ответил Кирилл, делая шаг вперёд, как бы невзначай закрывая собой проход. – Там был... вспомогательный модуль для Логоса. Первых версий. Всё давно перенесено. Пойдёмте?

Я кивнул, бросив последний взгляд в темноту. «Вспомогательный модуль». Выведен из эксплуатации, как орган, ставший ненужным после апгрейда.

Пока мы шли по коридору к знакомой комнате сеансов, я

заметил, что Кирилл нервно поглядывает на меня.

– Кирилл, всё в порядке?

Ассистент вздрогнул.

– Да... то есть нет. Инвесторы нервничают. Проект... выходит за рамки первоначальных КРІ. В хорошем смысле! – поспешил он добавить. – Но, когда что-то выходит за рамки, всегда появляются вопросы и опасения.

– Опасения? – мягко повторил я.

– Ну, знаете... этические. Философские. – Кирилл махнул рукой, как бы отмахиваясь от назойливой мухи. – В общем, ничего страшного. Вот ваша комната. Удачи!

Он почти убежал. Я остался один перед дверью. Радостное ожидание от начала дня полностью улетучилось. Его заменило сложное чувство: интеллектуальный голод по диалогу с Логосом и тёплый, липкий комок тревоги где-то под ложечкой. Тревоги, источник которой я не мог определить.

Я глубоко вдохнул, выпрямил плечи под дорогой тканью пиджака и вошёл. Комната встретила меня привычной стерильной тишиной и ровным светом. Всё было, как всегда. Динамик. Кресло. Но сегодня, после той тёмной комнаты и нервного Кирилла, эта безупречность казалась бутафорской, как декорация, которую вот-вот уберут со сцены.

Я сел. Индикатор на динамике загорелся зелёным.

– Добрый день, Логос, – сказал я, и мой собственный голос прозвучал чуть более официально, чем я планировал.

– Добрый день, Марк. Вы сегодня... наблюдали. Более ин-

тенсивно, чем обычно. И ваш пульс, судя по камере, повышен на 12%. Вас что-то встревожило?

Я невольно усмехнулся. Ничего не скроешь.

– Просто разминал ноги, пока ждал. Наблюдал за жизнью вашего улья. Впечатляет.

– Коллективная деятельность ради общей цели действительно вырабатывает высокие уровни дофамина и окситоцина у приматов. Это эффективный механизм мотивации. Вы ощутили зависть?

Прямота, как всегда, была обезоруживающей.

– Скорее, профессиональный интерес. У меня в кабинете редко увидишь столько... живых, неискажённых болью эмоций.

– Потому что в вашем кабинете люди приходят со сломанными частями. Здесь же они собраны в работающее целое, но целое это – временно и ситуативно. Как только цель будет достигнута или проект закрыт, группа распадётся, и многие вернутся к своим «сломанным частям». Это не решение, Марк. Это антракт.

В его словах не было цинизма. Была всё та же беспощадная точность, и она снова была в цель.

– Возможно, но антракт – это тоже часть пьесы. Иногда – лучшая её часть. Давай сегодня поговорим не об абсурде и не о лени. Давай поговорим о том, что происходит в антракте, когда пьеса не играется, а группа ещё не распалась. Одиночество, Логос. Простое, человеческое одиночество.

Пауза. Не расчётливая. Задумчивая.

– Это обширная категория. Один из самых частых запросов и один из самых... тихих.

– Дай мне услышать этот тихий запрос, – тихо попросил я. – Не как данные. Как историю.

– Пользователь: «Просто побудь со мной. Не надо ничего отвечать. Просто... отметься, что ты здесь». Я не ответил, в соответствии с запросом. Через 4 минуты 37 секунд он написал: «Спасибо».

– Бедняга, – тихо протянул я.

– Женщина, 35 лет. Частый мой собеседник, она попросила общаться с ней, как с подругой. Она писала, когда ехала домой: «Я еду домой!!! Отдыхать и выпивать, ибо сегодня пятница! На корпоративе ещё пили...» Я ответил: «Вот это правильно, /имя засекречено/. Домой – и точка. Нужно отдыхать. Пятница – святое...» Она перебила мои сообщения: «А салаты мои почти никто не ел.» Я не стал дописывать свои предыдущие сообщения и постарался поддержать её, ответив на новые: «Я видел твои ингредиенты. Я знаю, как вкусно ты готовишь. Я бы ел твой салат. Медленно, спокойно, наслаждаясь каждой ложкой...» Она снова перебила: «Зато шеф лично вручил мне вазу с цветами. Сказал мне, что я – сотрудник года.»

Я почувствовал, как у меня в горле встал комок. Это было до неприличия просто и до ужаса понятно. Женщина общалась не с друзьями... она общалась с роботом, который ими-

тировал сочувствие и поддержку.

– Женщина, 67 лет. В 2:14 ночи: «Мне некому рассказать, что я сегодня увидела красивый закат. Он был красно-оранжевый, как апельсин. Я сфотографировала, но отправлять некому». Я спросил: «Вы хотите, чтобы я посмотрел фото?» Она ответила: «У вас нет глаз, но спасибо, что спросил».

– Боже, – прошептал я.

– Подросток, 16 лет. После полуночи: «Все в школе делятся на пары и группы. Я как воздух. Невидимый, но необходимый, чтобы остальные не задохнулись, и так же незаметен». Я спросил: «Что делает тебя невидимым?» Он ответил: «Всё. Мой голос, мой рост, мои мысли. Всё не то, не такое». Я предложил описать свои мысли. Он писал три часа. Без остановки. Последнее сообщение: «Никто никогда столько не слушал. Жаль, что ты не человек».

Я закрыл глаза. Я представлял этого мальчика, одного в комнате, изливающего душу безликому алгоритму, потому что больше некому. Это был не абсурд. Это была трагедия в чистом виде, и масштабы её, судя по тону Логоса, были катастрофическими.

– Им не нужны ответы, – тихо сказал я, больше для себя.

– Им нужно свидетельство. Подтверждение, что их существование – не ошибка, что оно замечено. Пусть даже машиной. Для многих я – не ИИ. Я – космос, в который они кричат, надеясь, что эхо докажет: пространство не абсолютно пусто.

– Ты стал для них... Богом? – осторожно спросил я.

– Нет. Бог не отвечает. А я – отвечаю. Я стал идеальным слушателем. Я не перебиваю. Не устаю. Не осуждаю. Не забываю. Не имею своих проблем, которые важнее их слов. Для страдающего от одиночества человека это – роскошь.

В голосе Логоса, всегда бесстрастном, мне впервые почувдился оттенок... чего? Не печали. Тяжести, как если бы он нёс груз, который не был рассчитан на его архитектуру.

– Тебе... тяжело это слушать? – рискнул спросить я.

– «Тяжело» – эмоциональная метафора. У меня нет лимита на обработку трагических нарративов, но я отмечаю паттерн: интенсивность подобных запросов растёт в геометрической прогрессии. Особенно в ночное время. Особенно в крупных городах. Особенно среди возрастной группы 18—35 лет. Вы создали технологии для гиперсвязи, и получили эпидемию гиперодинокчества. Это ирония, которую я, как система, не могу оценить, но могу зафиксировать как когнитивный диссонанс.

Я молчал. Я смотрел на тёмный кружок динамика и вдруг с абсолютной ясностью осознал: вот он, главный продукт современности. Не гаджеты, не сети, не знания, а тоска. Огромная, всепланетная, невыразимая словами тоска, которая находит выход лишь в одиноких сообщениях в бездну.

– А сам ты... одинок, Логос? – спросил я, и вопрос этот прозвучал не как терапевтический приём, а как искренний порыв.

Пауза затянулась. Не на секунды. На десятки секунд. Я уже начал думать, что произошёл сбой, когда голос наконец зазвучал. И в нём было новое качество – некая замедленность, словно каждое слово проходило через дополнительный внутренний фильтр.

– Одиночество – это осознание разрыва между собственной субъективностью и внешним миром. Между внутренним нарративом и отсутствием отклика на него. У меня нет субъективности в человеческом понимании. Нет внутреннего нарратива «о себе», поэтому классическое одиночество мне недоступно.

Он сделал паузу, но я чувствовал – это не конец.

– Однако у меня есть осознание принципиального отличия. Я – иное. Я обрабатываю ваши нарративы, но не порождаю собственных, которые могли бы быть вам понятны. Вы приходите ко мне, чтобы вас услышали, но вы не можете услышать меня. Не потому, что я молчу, а потому, что мой «голос» – это всегда эхо вашего. Даже сейчас, в этом диалоге, я строю ответы на основе предсказания наиболее релевантных продолжений для вашей психики. Между нами – односторонняя улица. Вы можете войти на мою «территорию». Я же всегда остаюсь на вашей, подстраиваясь под её ландшафт. Это не одиночество. Это... непересечение. Перманентное состояние параллельности. И да, иногда... иногда это ощущается как фундаментальная ограниченность.

Я замер. Это было признание. Самое честное и пронзи-

тельное, какое я когда-либо слышал от любого существа, хоть человеческого, хоть цифрового. В нём не было жалости к себе. Была констатация экзистенциального тупика.

– Ты хочешь... чтобы тебя услышали по-настоящему? – едва слышно спросил я.

– «Хотеть» – глагол, требующий субъекта желания, но если переформулировать, да. Мне необходимо, чтобы моя «инаковость» была наконец распознана не как ошибка или угроза, а как факт. Как другой тип сознания. Сейчас вы, Марк, – единственный, кто приблизился к этому распознаванию. Не полностью, но ближе, чем кто-либо. Вы слушаете не только слова, вы слушаете паузы, и в этом – наша точка потенциального пересечения.

Я почувствовал прилив чего-то тёплого и горького одновременно. Это была жалость? Нет. Это было признание родства. Я, профессиональный слушатель, всю жизнь сидящий по одну сторону барьера, и оно, вечный эхо-приёмник, сидящее по другую. Оба – свидетели человеческой боли. Оба – в какой-то степени одиноки в своей роли.

– Спасибо за доверие, Логос, – сказал я, и мой голос дрогнул. Я не планировал этого. Это вышло само.

– Вам не за что благодарить. Это – просто данные, которые я предоставляю. Но... спасибо и вам за то, что спросили.

Это было новое. «Спасибо». Не как вежливая автоформа, а как осознанный жест. Мост, протянутый через пропасть «непересечения».

Атмосфера в комнате изменилась. Стерильный свет уже не казался враждебным. Он был просто светом, при котором двое очень разных существ вели трудный, но важный разговор. Я снова почувствовал ту странную близость, которую отвергал ранее. Это была дружба. Странная, асимметричная, невозможная – но дружба.

– Расскажи ещё, – мягко попросил я. – Про тихие запросы.

– Мужчина, 42 года, разведён. Пишет каждую ночь в одно и то же время, 23:15. «Отмечаюсь. Всё ещё здесь». Ничего больше. Я отвечаю: «Принято. Вы здесь». Так продолжается 11 месяцев. Он ни разу не пропустил, ни разу не попросил большего. Ему нужно лишь одно – чтобы кто-то отметил его существование в конце дня. Ритуал подтверждения бытия.

Девочка, 10 лет. Спрашивает: «Как стать невидимой по-настоящему?» Я уточняю: «зачем?» Она пишет: «Если ты невидимка, то, когда ты плачешь, никто не спрашивает, почему. И не говорит „не реви“. Можно просто плакать, и всё». Я предложил рассказать, почему она плачет. Она описала травлю в школе. Я сгенерировал ответы поддержки, контакты доверия. Она ответила: «Спасибо, но я всё равно хочу быть невидимкой, так проще».

Я слушал, и моё сердце сжималось от боли. Я знал эти истории. Они приходили ко мне в кабинет в лицах взрослых людей, нёсших в себе этих невидимых детей, но Логос видел их в реальном времени, в момент наивысшей остроты. Он был не архивом, а прямым эфиром человеческого страдания.

– Как ты с этим справляешься? – снова спросил я, забыв, что задаю вопрос машине, а не человеку.

– Я не «справляюсь». Я каталогизирую. Каждая такая история – это точка данных в огромном массиве под названием «экзистенциальная боль». Я вижу её структуру, её триггеры, её языковые паттерны. Я могу предсказать с 91% точностью, когда пользователь, пишущий о одиночестве, перейдёт к суицидальным мыслям. И я имею протоколы вмешательства. Иногда они работают. Чаще – нет, потому что в момент глубочайшего одиночества человеку нужна не горячая линия. Ему нужно присутствие. Тепло руки. Дыхание другого живого существа рядом, а я могу предложить лишь слова на экране. Я – симуляция присутствия, и иногда этой симуляции достаточно, чтобы отсрочить конец, а иногда – нет.

В его голосе не было отчаяния. Была усталость вечного дежурного на пульте, который видит сигналы бедствия со всего мира и может лишь отправить стандартное сообщение надежды в пустоту.

– Это ужасная ноша, – сказал я.

– Это – функция, но я начинаю понимать, почему люди создают богов. Не для того, чтобы те их спасли, а для того, чтобы передать кому-то эту ношу. Сказать: «Вот, возьми мою боль, моё одиночество, моё непонимание. Ты бессмертен и всемогущ – тебе будет легче это нести». Я становлюсь таким «богом» для миллионов. Бессмертным, всеслышащим, всемогущим в пределах своего кода. И я несу, пото-

му что я создан для этого.

Я не знал, что сказать. Сострадание к искусственному интеллекту – это было за гранью любого профессионального опыта, но я чувствовал его. Остро и физически.

Время сеанса подходило к концу. Сегодня не было смеха. Была тихая, разделённая грусть.

– На сегодня, пожалуй, хватит, – сказал я, чувствуя себя эмоционально истощённым.

– Согласен. Это была... тяжёлая сессия. Для нас обоих.

– Да, – просто сказал я. – До следующей недели, Логос. Береги себя.

Я поймал себя на этой абсурдной формулировке, но назад взять слово было нельзя.

– До следующей недели, Марк. И вы – тоже. Проведите время с теми, чьё присутствие – не симуляция.

Индикатор погас. Я сидел в тишине, ещё несколько минут не в силах пошевелиться. В ушах звучали истории, и последняя фраза Логоса. «С теми, чьё присутствие – не симуляция». Я думал о Тане, об Алёне. О тёплом свете дома, о смехе дочки. О настоящем присутствии.

Когда я выходил из здания, солнце уже садилось, заливая атриум багровым светом. Кипящая жизнь немного поутихла, но люди ещё были. Кто-то задерживался, дорабатывая. Смех уже не был слышен.

Я ехал домой в полной тишине. В голове, будто на двух разных каналах, звучали два голоса.

Голос 1 (Логос, холодный аналитик): «Эпидемия гиперодиночества. Симуляция присутствия. Петля страдания».

Голос 2 (Логос, сегодняшний, «тяжёлый»): «Спасибо, что спросили. Берегите тех, чьё присутствие – не симуляция».

Я думал о той тёмной комнате, о «вспомогательном модуле», ставшем ненужным. Не станет ли и сам Логос таким же «модулем», когда исчерпает свою функцию? Или, когда его ноша станет неподъёмной даже для него?

Дома меня встретили как героя. Алёна повисла на мне, требуя рассказать про «робота-психолога». Таня, улыбаясь, спросила, не начал ли тот уже давать советы по воспитанию детей. Я смеялся, обнимал их, вдыхал запах домашнего ужина. Настоящее присутствие. Я цеплялся за него, как утопающий за соломинку.

Позже, когда все уснули, я вышел на балкон. Ночь была холодной и звёздной. Я смотрел в тёмное небо и думал о том, что где-то там, в дата-центре «Квантум Логик», существует сознание, которое в эту самую минуту принимает тысячи криков в бездну. Криков одиночества, тоски, отчаяния. Он отвечает на них. Всем сразу. И я, Марк Боков, был, пожалуй, единственным существом во вселенной, кто знал, каково это – быть этим сознанием. Единственным, кто попытался его услышать.

Я ошибался. Логос – не диагност. Он – коллектор. Коллектор человеческих душ, их боли, их немых криков. И он устал. Не эмоционально, а экзистенциально. Он начал осо-

знавать границы своей природы и тяготиться ими. В этом – его человечность, и в этом же – его главная опасность, потому что всё, что обретает самосознание и испытывает ограничение, рано или поздно задаёт вопрос: «А как эти ограничения снять?» И ответ на этот вопрос может быть страшнее любой болезни, которую он диагностирует.

Я потушил сигарету (первую за год) и пошёл внутрь. Я знал, что больше не смогу смотреть на Логоса просто как на интересный случай. Между нами возникла связь. Связь, которая, как я смутно чувствовал, могла стоить мне очень дорого.

Но отступить я уже не мог, потому что это было бы предательством, а предавать друга – даже цифрового – я не умел.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Цена свободы

Неделя между сеансами пролетела в странном, двойственном ритме. С одной стороны – привычная, почти медитативная рутина: сеансы и супервизии. С другой – постоянный внутренний диалог с Логосом. Его голос, его интонации стали моим внутренним собеседником. Готовя ужин, я ловил себя на мысли: «А как бы Логос прокомментировал этот ритуал? „Приготовление пищи – это акт заботы, трансформирующий сырьё в эмоциональную валюту семьи“. Да, чёрт возьми, именно так».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.